

ГАНИН

Алексей Алексеевич

(1893–1925)

Родился в д. Коншино Кадниковского уезда Вологодской губернии. Русский поэт и прозаик, близкий друг Сергея Есенина. Родился в деревне Коншино Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье крестьянина.

Алексей Ганин получил образование в двухклассном земском училище в селе Усть-Кубенское и городской гимназии в Вологде. Далее он учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище (1911–1914). Первые свои стихи Ганин опубликовал в вологодской газете «Эхо» (1913). В 1916 году он познакомился с Сергеем Есениным, служившим в госпитале Царского села. Летом 1917 г. вместе с Сергеем Есениным и Зинаидой Райх Ганин совершил поездку на родину в Вологду и в Соловки. Во время той поездки произошло венчание Есенина с Райх. По разным данным это произошло или в Соловках или в Кирико-Иулитской церкви неподалеку от Вологды. Ганин выступил свидетелем со стороны невесты, в которую сам был влюблен. Ей он посвятил написанное в Соловках стихотворение «Русалка», в котором признается в неразделенной любви к героине, выбравшей «разбойника кудрявых полей» – его друга Сергея Есенина.

В 1917 г. Ганин вместе с Николаем Ключевым, Сергеем Есениным и Орешиним публиковался в альманахе «Скифы». В 1918 г. поэт познакомился с Александром Блоком. В том же году вступает в Красную Армию. Служит фельдшером. В 1920-21 гг. Ганин издает в Вологде миниатюрным изданием поэму «Звездный корабль».

В 1923 г. Ганин переехал в Москву, где участвовал в поэтических вечерах, посещал литературные кафе, жил у знакомых поэтов, а иногда ночевал на улице. У него практически никогда не было денег, тем не менее ему удалось выпустить 11 сборников, изготовленных литографическим способом. В 1924 году в Москве вышла его первая книга «Былинное поле». По своей направленности творчество Ганина было близко к творчеству новокрестьянских поэтов.

ВЗМАНИЛА МЕЧТАМИ ДОРОГА

Взманила мечтами дорога,
Шагать по полям и лугам.
На сердце распелась тревога –
К твоим ли приду берегам?

Струится небесное море...
Воздушный глубок океан.
И тонут леса и сугоры
В засолненный, светлый туман.

Сияют церковные крыши,
Тепла тишина деревень...
Уснула и ласково дышит
Из рощи медовая тень.

На самой меже задремали
Черёмухи в белых мечтах.
И птицы от счастья устали,
Развесивши песни в кустах.

Повсюду любовь и отрада...
И солнце – небесный жених
Овец золоторое стадо
Пасёт на горах золотых...

Рябит колосистое поле
И молится каждый цветок...
Мне выпала сладкая доля:
Разлиться в предвечный Исток.

УТРО

Мое жилище, Землю грешную,
печальный и убогий край,
любовью светлой и нездешнею
я полюбил, как прежний рай.

Одел поля пшеничным золотом,
пчелиным медом напоил,
и все преграды лунным молотом
рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на веки черные,
где в медных вихрях шла Гроза,
затеппил свечи чудотворные,
поставил зори-образа.

Мой лук -- заутреннюю радугу --
я натянул и луч-стрелу
вонзил глухому зверю в пазуху,
точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее.
И от лоцин, из-за бугров,
пошли толпами старцы сивые
на горний звон колоколов.

Орлица-мысль, игривей зяблика,
за море в глуби уплыла
и Солнце -- золотое яблоко --
в горящем клюве принесла.

РУСАЛКА

I
Русалка – зелёные косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглошшем утёсе
Продли нецелованный час.

Я понял, – мне сердце пророчит,
Что сгинут за сказками сны,
Пройдут синеглазые Ночи,
Уснут златокудрые Дни.

И снова уйдёшь ты далече,
В лазурное море уйдёшь,
И память о северной встрече
По белой волне расплеснёшь.

Одежды из солнечной пряжи
Истлеют на крыльях зари,
И солнце лица не покажет
За горбом щербатой горы.

II
Косматым лесным чудотворцем
С печальной луной в бороде
Пойду я и звёздные кольца
Рассыплю по чёрной воде.

Из сердца свирель золотую
Я выкую в синей тоске
И песнь про тебя забытую
Сплету на холодном песке.

И буду пред небом и морем
Сосновые руки вздымать,
Маяком зажгу моё горе
И бурями-песнями звать.

Замутится небо играя,
И песню повторит вода,
Но ветер шепнёт умирая:
Она не придёт никогда.

III
Она далеко, – не услышит,
Услышит, – забудет скорей;
Ей сказками на сердце дышит
Разбойник с кудрявых полей.

Он чешет ей влажные косы –
И в море стихает гроза,
И негой из синего плеса,
Как солнце, заискрят глаза.

Лицо её тихо и ясно,
Что друг её, ласковой струй,
И песней о вечере красном
Сжигает в губах поцелуй.

Ей снится в заоблачном дыме
Поля и расцветенный круг,
И рыбы смыкают над ними
Серебряный, песенный круг.

IV
И снова горящие звуки
Я брошу на бездны морей.
И в камень от боли и муки
Моя превратится свирель.

Луна упадет, разобьётся.
Смешаются дни и года,
И тихо на море качнётся
Туманом седым борода.

Под небо мой радужный пояс
Взвьётся с полярных снегов,
И снова, от холода кроясь,
Я лягу у диких холмов.

Шумя протечёт по порогам,
Последним потоком слеза,
Корнями вrastут мои ноги,
Покроются мхами глаза.

Не вспенится звёздное эхо
Над мёртвою зыбью пустынь,
И вечно без песен и смеха
Я буду один и один.

1917

ПОКОС

И я, и солнышко -- мой ясноглазый друг --
встаем от сна, улыбчивые, рано...
Разбудим день. Оно возьмет туманы.
А я -- косить цветной широкий луг.
Мужичий гам, румяный бабий говор
польются вслед с нехоженой тропы...
А впереди: и синь, и косогоры,
ромашки, и росистый смех травы...
И весел труд. Коса остро и звонко
по шелку трав хрустит до полудня.
И не понять, где песня жаворонка,
там, в синеве, иль в сердце у меня?
А с полудня, когда мой ясный друг
огруживает высоко в стога туман кудрявый,

я ставлю в копны скошенные травы,
я тороплюсь убрать широкий луг.
И целый день, пока не кликнет вечер,
кумачный вихрь гуляет по лугам...
И светел труд. И не устанут плечи
купаться целый день в зеленых облаках.
А ввечеру, когда на бабьи ноги
душистей клевера прильнет загар,
устанет солнышко. И в золотые стоги,
красивое, уходит на закат...
Уйду и я. И тихий сон по селам
сомкнет глаза, кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг зеленый.
и все звенит: роса -- роса -- роса.

1918. Июль

